

отличие от формального и добровольно-принудительного акта признания равной ценности Другого, снобизм предполагает деятельное, заинтересованное участие в социальной игре, наличие какого-то содержания, которое заставляет прилагать дополнительные усилия. Свобода субъекта реализуется во внутренней работе вкуса, которая позволяет индивиду выделять, следуя за своим желанием, ценные объекты и таким образом ориентироваться в «плоском» социальном пространстве. Поэтому моральным изнутри этой перспективы будет избирательность в отношении желанных объектов, внутренняя культурная работа по их синтезу и искусство социальной «навигации», а не беспроблемная солидарность с абстрактным Другим.

Список литературы:

1. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
2. Жирар Р. Критика из подполья / Пер. с французского Н. Мовниной. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 256 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2012. № 3 (34). С. 1-12.
4. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 4-20.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 416 с.
6. Shils E. Charisma, Order, and Status // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. №. 2. P. 199-213.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ БЛАГА

Оглоблина И. А.
Екатеринбург, Уральский федеральный университет

THE IDEA OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF A GOOD

Ogloblina I.A.
Yekaterinburg, Ural Federal University

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным проблемам коммуникации в современном обществе. Мы считаем, что в сообществе Имеются два способа сообщаемости – нормативный и ненормативный.

Нормативный восходит к пониманию справедливости в контексте экономической трактовки блага. Он обеспечивает взаимосвязь между людьми на основе денежных расчетов. Ненормативный восходит к пониманию справедливости в контексте метафизической трактовки блага. Он согласовывает действия между людьми по принципу взаимопонимания и является дополнительным источником прироста разнообразия смыслов.

Ключевые слова: нравственная идея, справедливость, благо, метафизика, товарная стоимость, норма, ценность, дар, экономический редукционизм, этика дара, чувствознание.

Abstract. This article is devoted to the problems of communication in modern society. We believe that in the community there are two channels of communicability - normative and non-normative. Normative channel boil down to the notion of justice in the context of economic interpretation of the good. It provides the interrelation between people based on monetary calculations. Non-normative channel rises to an understanding of justice in the context of metaphysical interpretation of the good. It provides actions between people on the basis of reciprocal coordination. Non-normative channel is an additional source of growth in a variety of meanings.

Keywords: moral idea, justice, good, metaphysics, cost of goods, norm, value, gift, economic reductionism, ethics Gift, sensuality.

Поиск нравственной идеи осуществляется в условиях нарастания глобального цивилизационного кризиса и повсеместной смены ценностных ориентиров. В силу этого возрастает потребность в переоценке системы аксиологических понятий в рамках современных представлений об обществе различий и об имманентной этому обществу гетерогенности сложных социальных систем (и социального действия).

Исследовательская установка в данном случае восходит к работе Болтянски и Тевено [1], посвященной обоснованию возможностей достижения согласия в обществе различий. Авторы полагают, что в рамках взаимодействия двух языков (языка общего и языка различия) в обществе достижимо согласие по поводу того, что является справедливым. Критерием справедливости при этом полагается реальный опыт достижения людьми согласия через уступки. Такой критерий расценивается как действенный при двух допущениях. С одной стороны, у каждого имеется знание об общем благе и соответствующее представление об общем (общественном). С другой стороны, каждый обладает

некоторым представлением о метафизике (о нефизической смысловой канве событий материального мира).

Последнее обстоятельство позволяет выйти за рамки концептуального осмысления сути словосочетания «нравственная идея». В противном случае, исследователей ожидает встреча с Минотавром в лабиринте под названием «сциентистский объективизм, или, иначе говоря, другая метафизика» [2. С. 187]. Согласимся: трудно примириться со смертью классической метафизики. Но еще сложнее ее отрицать, поскольку в последней четверти прошлого века Р.Барту удалось показать: логико-понятийная форма рациональных умозаключений трансформирует метафизический контекст содержания естественной речи.

Что понимать под нравственной идеей? Идеологему, смысл которой ограничен рамками логико-понятийной формы, упорядочивающей знаки и значения дискурсивного высказывания по правилам грамматики, придающей словам человеческого языка однозначность и нормативность? Или же идею, смысл которой выражаем экзистенциально обусловленным нравственным чувством? Но именно нравственному существованию сопутствует сдвиг интенциональности, смещающий формальное (логическое) восприятие дискурсивной речи. По этой причине переоценка системы аксиологических понятий становится жизненно насущной. В особенности, если речь идет о понятии «справедливость», опорном для принятой исследовательской установки. Размышляя о справедливости как о нравственной идее, следует определить, в каких случаях она таковой не является. Для этого необходимо провести различие между ее нормативным и ценностным аспектами. Будем исходить из того, что первый обнаруживает себя как возникший во времена архаики властный социальный регулятор, второй – как неразрывный с генезисом представлений о равенстве.

Выделяя справедливость как властный социальный регулятор, исследователи [4] полагают, что архаическим культурам свойственно отождествлять справедливость с одной стороны, со следованием общепринятому порядку первобытного строя в силу признания всеми незыблемости норм, а с другой – с требованием наказания за нарушение общей нормы. Нормативное понимание справедливости формируется в неразрывности с категорией общего, свойственной всей системе аксиологических понятий, сформировавшихся в ходе перехода первобытного сознания от мифа к логосу. В более поздние времена редукция к общему явилась основой классификации справедливости в качестве идеала, одна сторона которого распознаваема как

норма, другая – как ценность. Об этом свидетельствует ветхозаветное представление об амбивалентной сути справедливости, выражаемое метафорой левой и правой руки Бога: «Любовь и милосердие Бога именуются его правой рукой, а его правосудие – его левой рукой» [6. С. 69]. Монархическое правление «от Бога» справедливо, если выражение воли Бога земным правителем есть проявление соразмерности законосообразного аспекта власти и высоких чувств (норова, нрава) монарха. Справедливость в этом случае — идеал правосудия, в рамках которого нормативная (законосообразная) и ненормативная (нравственная, ценностная) компоненты пребывают в гармонии. Иначе «Опасный аспект правосудия Яхве дает о себе знать в следующем пассаже: «<...> Если я сотворю мир, основав его на одном милосердии, грехи его будут велики; но если основать его на одной лишь справедливости, мир существовать не сможет» [6. С. 69-70].

В Новое Время справедливость лишилась сакральной значимости идеала правосудия, и значимая для нее редукция к категории общего утратила признак амбивалентности. Вместо него справедливость обрела нормативный статус категории морально-правового и социально-политического сознания кантовской этики должного. В ее основе — представление о сущности человека и его неотъемлемых правах, содержащее требование соответствия между практической ролью индивидов (и социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, правами и обязанностями. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость. Другой крайностью видится рассмотрение справедливости в ценностном смысле, неразрывном с представлениями о социальном равенстве. Подчеркнем: понимание справедливости в соотнесенности с равенством возникает наряду с появлением частной собственности и различиями в положении людей сообразно с их достоинством. В данном смысловом контексте понятие справедливости восходит к проблематике блага, основополагающей для исторической экономической мысли. Напомним: проблематика блага восходит к различению Аристотелем [3] двух типов хозяйствования и соответствующим им разделам знания (экономики и хрематистики). При этом, следуя рекомендации Платона придерживаться моральной оценки хозяйственных благ, Аристотель разделил справедливость на уравнительную и распределительную, предварительно выделив особый вид справедливости — действие воздаяния, обусловленное принципом пропорциональности. В его призме смыслы равенства и справедливости соотносимы в нормативном аспекте (обращающем к понятию

«хозяйственное благо»), а так же в ценностном (обращающем к метафизике Единого Блага).

Нормативная исследовательская установка Аристотеля обращает к поиску эталона (нормы) приравнивания разнородных вещей и реализуется посредством редукции частного к общему в конкретно-всеобщем понятии Единого Блага. Редукционистская логика описывает события в механистической последовательности эксплицитного (внешнего) порядка вещей. В его рамках соотносимость смыслов равенства и справедливости редуцируется к моральной оценке: справедливо, если частные блага поступают в общее пользование в силу их приравнивания в обмене к единому основанию. Согласно Аристотелю, нужно, чтобы все измерялось чем-то одним. А именно: потребностью, которая для всех является связующей основой. Из допущений, принятых Аристотелем, следует, что связующей потребностью он полагает потребность в благой жизни (а в пределе — в Благае). Ее нормативный смысл фиксируется значением равенства всех людей в пользовании средствами жизни и правами, т.е. благом (тем, что есть нечто одно, поделенное поровну, равно пропорционально между всеми).

Ценностная исследовательская установка Аристотеля обращает к имплицитному (внутреннему) строю его мыслей, к особому виду справедливости, воздаянию. Действие воздаяния обусловлено принципом пропорциональности и правилом обнаружения золотой середины между двумя крайними проявлениями чувств (в свете этической и дианоэтической добродетели). В данном случае основанием взаимосвязи понятий равенства и справедливости полагается телеологическая метафизика Единого Блага и ненормативная (нерассудочная) сторона экономики, обусловленная значением греческих слов «номос» и «ойкос». Ненормативный порядок экономики, будучи различимым в призме метафизики блага, обусловлен действием «номоса» — закона античного космоса, проявляющего себя в множественных значениях этического отношения людей к природе, к вещам, друг к другу, символическим образом упорядочивающем экономическую и социальную жизнь государственного союза земледельческих ойкосов.

Механизм саморегуляции «экономики» (ее номос, движущая сила) представлен у Аристотеля телеологической метафизикой Блага, трактуемой как восхождение разума по лестнице природных форм. Чем ощутимее потребность в чем-то одном, Едином, нематериальном, тем выше отношения между людьми, тем меньше в них материальной заинтересованности в единоличном

использовании собственных хозяйственных благ в силу проявленности в их действиях Блага (духовной энергии родового разума). Закон экономии — закон наикратчайшего перехода из возможности в действительность, из невежества материи к чистой энергии духовного разума. Это закон поступательного восхождения человеческого интеллекта по лестнице форм, на каждой ступени которой проявлены соответствующая ей форма/модус добродетельных отношений между людьми (этических, дианоэтических) и вид справедливости, понимаемый Аристотелем как действие воздаяния. Оно обращено на тех, кто достиг родового совершенства и руководствуется особой формой этики — этикой дара, проявляющей себя в модусе чистого дара. В данном смысловом контексте очевидна параллель с идеей справедливости, выражаемой не логико-понятийной формой рационального сознания, а нравственным чувством (чувствознанием).

Особо отметим: аспект чувствознания, значимый для осмысления современного сдвига восприятия аксиологических понятий, был выделен Ж.Деррида, открывшем перспективу приравнивания множественности контекстуальных значений справедливости к «незавершенности» парадоксального объекта «письма». Для Деррида понятие «справедливость» — парадоксальный объект, однозначность смысловой трактовки которого поглощается и размывается новым контекстом означения в человеческом интертекстуальном мире: «справедливость: она путает карты любого расчета и подсчета (отмщений или воздаяний) и тоже может быть описана только как "дар". Справедливость всегда неравна самой себе, неоднородна и несамотождественна: она требует постоянного превзойдения задаваемых законом условий и потому никогда не осуществляется полностью. Стало быть, суждение о справедливости не может быть теоретическим» [2. С. 81]. В итоге обнаруживается смысл «почти-немыслимого» для смертного разума (в силу принципиальной «незавершенности» в этом конечном разуме справедливости как онтологического феномена). И человек оказывается перед выбором: что делать с «незавершенностью» парадоксальных объектов (точнее, со своим представлением об однозначности смыслового контекста их понимания). Достроить свой объект до новых опознаваемых состояний (например, до открывшейся в акте познания смысловой полноты справедливости), или, напротив, урезать его до прежних опознаваемых состояний? Во всех этих случаях (согласимся с Н.Автономовой) нам надлежит увидеть в действии сам принцип артикуляции любых содержаний сознания и психики, механизм

ритмического расчленения опыта, новых возможностей означивания в рамках иначе прочерченных координат пространства и времени. И тогда возникает вопрос: где истина, а где фантазмагория [2. С. 31-89]?

По сути, Деррида разработал «окольный путь» принципиально незавершимого достраивания нравственной идеи справедливости до полноты бытия равноразличия ее множественных контекстуальных значений. Предпринятая им деконструкция понятийного смысла справедливости – инструмент выявления принципиальной соизмеримости контекстуальных значений равенства и справедливости, мастерское владение которым распознаваемо как Благо (Дар) осознанности человеческого существования в творческом акте перманентного экзистенциального выбора.

В последнем случае справедливость обнаруживает себя как идея, смысл которой выражаем нравственным чувством. В его призме хрестоматийное знание об идеях-парадигмах Платона отсылает к духовным практикам чувствознания Элевсинских мистерий, граничащим с опытом внутреннего нравственного Делания, описанным Н.Рерихом в его Учении Живой Этики: «мысль бессловесная <...> приближается к языку огненному, но умножает <...> огненные мысли, их понимают огненно. Можно назвать это понимание чувствознанием <...>. Мир Огненный, прежде всего, в нас самих <...>. Только провод следует приложить к сердцу, но не к мозгу» [6. С. 105].

Однако генезис традиции методологического редуccionизма в лоно исторической экономической мысли предусматривал обращение не к метафизике аристотелевского понятия единого Блага (и категории Единого), а к его логическому прочтению, в силу чего предметом научных исследований был принят нормативный (рациональный) порядок экономики. Его обоснование осуществили классики буржуазной политической экономии, приступившие к разработке проблематики стоимости в редуccionистском ключе. Не отличая экономику от хрематистики, они отказались от полисемантики метафизического понимания понятия «Блага» в пользу нормативной однозначности его толкования как экономического закона социального воспроизводства. Последний обосновывался как ценовой закон саморегуляции рынка (А.Смит) и как закон стоимостного товарного производства (К.Маркс. Оба варианта основываются на расчетах выгод и затрат, имманентных построениям теорий товарной ценности (трудовой и денежной стоимости, маржиналистской предельной полезности). Различие в практическом приложении данных расчетов (к плановой или же рыночной экономике) не отменяет их главного

постулата: применительно к условиям массового производства любые практические рекомендации основываются на количественном аспекте экономических оценок качества произведенных товаров. Качественная определенность экономических оценок – предмет давних теоретических споров и дискуссий, восходящих к метафизическому аспекту аристотелевского понятия «Благо». В свете последнего однозначный в своей смысловой определенности результат не вычисляем.

Смысловая однозначность – главное условие воспроизводства марксовского понимания справедливости как экономически обоснованного социального равенства. Маркс, как уже упоминалось, разработал нормативный временной расчет трудовых вкладов – рудимент восходящей к Аристотелю уравнительной и распределительной справедливости. Обусловленное онтологически и экзистенциально, марксистское представление о справедливости основывается на значимости лишь материального уровня бытия сущего, фиксируемого идеей и числом (цифрой). Вместе с тем, смысловая однозначность – главное условие воспроизводства стабильных поведенческих реакций в конкурентной среде, где действуют хаос и неопределенность. Смысловая однозначность рыночного экономического поведения обусловлена теоретическим допущением действия лишь одной единственной мотивации – личной выгоды (эгоизма). Данное допущение послужило практическим руководством для разработки стратегий потребительского поведения, фиксирующих сознание «одномерного» эгоиста в «дневной» позиции рационального максимизатора полезности — однобокой, игнорирующей «ночную» сторону своего неосознанного «я», свою тень.

В силу этого обстоятельства, метаморфоза европейского самосознания, обнаружившая себя в наши дни, становится объяснимой. Утрата европейцами традиционных ценностей и идеалов эпохи Просвещения – неизбежность, обусловленная энергийной девальвацией формально воспринимаемых аксиологических ориентиров (справедливости, равенства, братства) на фоне присутствия теневой энергетики личного и коллективного бессознательного в жизни каждого homo oeconomicus. Жизненная мотивация массового потребителя оказалась всецело подчиненной импульсу экономического роста и процветания (денежного и материального). Homo oeconomicus — модель конкретно-единичного человека, управляемого самосознанием, душевная организация которого всецело ограничена рамками комфортного существования, обусловленного желаниями тела. На основании этого можно

заклЮчить: обоснование возможностей достижения согласия в обществе различий возможно лишь в ходе переоценки аксиологического смысла понятия справедливости. Понимание справедливости как восходящей к чувствованию нравственной идеи позволяет оперировать двумя типами порядков смыслообразования – нормативным (эксплицитным, редукционистским, одномерным, однозначным) и ненормативным (имплицитным, ценностным, многомерным, многозначным). Первый – экономический – укоренен в понятии хозяйственного блага и открывает идеологическую перспективу феномена справедливости как идеи социального равенства, возведенного в статус закона. Второй – социальный – восходит к метафизике аристотелевского понятия блага и намечает аксиологическую перспективу понятия справедливости (как нерационализируемой «золотой середины» чувствования). Таким образом, выход из любой проблемной ситуации лежит в плоскости, где ценности выражаются не борьбой идеалов, идей и соответствующих им идеологем, а нравственным чувством, чувствованием, обретаемом в духовной практике схождения ума в сердце.

Список литературы

1. Болтянски Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов / Болтянски Л., Тевено Л.; пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. - М.: Новое Литературное обозрение, 2013. - 576 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии / Деррида Ж. ; пер. с фр. и вступительная статья Н. Автономовой. - М.: Ad Marginem, 2000. - 511с.
3. Железнов В. Я. Экономическое мировоззрение древних греков // История экономической мысли / Железнов В.Я.; под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануилова. Т. 1. Вып. 1. - М.: Московский научный институт, 1916. - 427 с.
4. Мосс М. Социальные функции священного / Мосс М.; Избранные произведения. Пер. с фр. под общей редакцией И.В. Утехина - СПб.: Евразия, 2000. - 448 с.
5. Рерих Н.К. Мир Огненный. Аум. Братство / Учение Живой Этики. В 4 т. Т. 3. - М.: Дельфис, 2016. - 864 с.
6. Юнг К.Г. AION Исследование феноменологии самости / Юнг К.Г. - М.: «Рефл-бук», К.:«Ваклер», 1997. - 330 с.